

Глава - Пустая квартира

Элиас смотрел на свой телефон так, словно тот вот-вот взорвется.

Его соседка по квартире, Жо Си Нумэн, бета-женщина и прямой член печально известной семьи Нумэн, оставила ему голосовое сообщение.

Она ненавидела разговаривать по телефону.

Она предпочитала смски, обычно короткие и полные эмодзи, некоторые из которых он до сих пор не понимал. Чаще всего ее сообщения представляли собой хаотичные цепочки восклицательных знаков, внутренних шуток и эмодзи с ножами. Голосовые сообщения были не просто редкостью. Они не случались.

Это длилось тридцать девять секунд.

Он не нажал воспроизведение сразу.

Аудитория теперь была пуста. Гул ламп все еще витал в воздухе — слабый, но настойчивый. Элиас снова сел за парту, сжимая телефон в руке, большой палец завис над экраном.

Затем он нажал воспроизведение.

Ничего. Кроме статики — ничего. Брови Элиаса нахмурились.

«Неужели Жо снова случайно набрала меня?» — подумал он, слегка нахмурившись и регулируя громкость. Он продолжал слушать на случай, если она случайно отправила аудиоклип, пытаясь переслать мем со звуком. Но это было не то.

Не было ни музыки. Ни фонового шума. Ни внезапного смеха.

Единственным звуком был низкий, неровный треск статики, перемежаемый тем, что походило на дыхание. Или, возможно, помехи.

Это продолжалось тридцать девять секунд.

Элиас уставился на экран.

Затем вздохнул.

Он нажал кнопку вызова с чуть большей силой, чем требовалось. Либо что-то случилось, либо она окончательно сошла с ума. Его не удивило бы ни то, ни другое.

Телефон зазвонил. Раз.

Два.

Три.

Затем звонки оборвались. Прямо на голосовую почту. Ни гудков, ни механического сообщения. Просто плоское, тихое отключение.

Элиас снова посмотрел на экран, его карие глаза смягчились осенним солнцем.

Что-то было не так.

Он медленно встал, убирая телефон в карман пальто, и гул тревоги начал оседать где-то в груди.

Жо не делала ошибок.

И она никогда не присылала тишину.

— Элиас вошел в квартиру сразу после заката.

В коридоре над головой слабо гудели лампы, пока он открывал дверь своим обычным кодом. Никаких следов взлома. Никаких сигналов тревоги. Все было именно так, как должно быть.

Дверь щелкнула, открываясь.

Тишина.

Он шагнул внутрь, машинально сбрасывая обувь. В воздухе все еще витал запах жасминового шампуня — слабый и знакомый. Ее любимый спрей для тела все еще стоял на столике в прихожей рядом с недопитой бутылочкой лака для ногтей, к которой она не прикасалась неделями.

Это было странно.

Элиас покинул квартиру две недели назад в пользу временного общежития — просто чтобы

закончить семестровый отчет для докторантуры. Так было проще. Тише. Он плохо работал с отвлечениями, а Жо по определению была ходячим отвлечением.

Но все выглядело так же, как он и оставил.

Свет был выключен. Посуда в сушилке была той же самой, что он помыл перед уходом. Плед на диване оставался сложенным именно так, как сложил его он — слишком аккуратно и квадратно, потому что Жо никогда ничего не складывала так идеально.

Он замер у входа на кухню, проведя рукой по краю стойки. Рядом с чайником все еще лежала та же обертка от пакетика чая. Та же кружка со сколом и плохо нанесенным изображением кота.

Не сдвинуто.

Не тронут.

У Жо и Элиаса были необычные отношения. Большинство друзей считали их парой. Они никогда никого не поправляли — так было проще, — но это было неправдой.

Элиас был рецессивным омегой, и, несмотря на доминантность, родословную и альфа-статус Жо, он никогда не испытывал к девушке, называвшей свою собственную семью сбродом демонов при любой возможности, ничего, кроме братской любви.

Их связь никогда не нуждалась в романтике, чтобы что-то значить. Жо нравилась тишина, и Элиас давал ей это. Ему нравился шум, и она заполняла квартиру им. Это не было идеальным балансом, но было привычным. Безопасным.

Он мельком глянул на их отражение в старом коридорном зеркале, проходя мимо, — всего лишь вспышка. Его мягкие каштановые волосы снова спадали на лоб, кончики вились от влажности. Он мысленно отметил, что нужно подстричься, хотя, вероятно, не сделает этого. Его карие глаза казались темнее обычного, насыщеннее от тусклого света, а золотая оправа очков ловила блики потолочной лампы.

Выглядел он неплохо. Никогда и не выглядел.

Раньше ему говорили комплименты, вежливые. Незнакомцы говорили, что он выглядит чистым и элегантным, в той академической, слегка рассеянной манере. Людям нравился его голос. Нравилось, что он слушает.

Но он и рядом не стоял с другими.

Не с теми альфами, чьи плечи занимали пространство, а уверенность входила в комнату прежде, чем они сами. Не с доминантными омегами с острыми чертами лица и еще более острой амбициозностью. Он был рецессивным. Тихим. Сносным.

Это никогда его не беспокоило. Не особенно.

И это никогда не беспокоило Жо.

Она никогда не комментировала отсутствие у него феромонной сигнатуры. Никогда не пыталась подтолкнуть его, ткнуть или спросить, почему его цикл течки не менялся годами. Она дразнила его, называя самым скучным омегой из всех, кого встречала, и тут же защищала, как львица, когда кто-то другой впервые пытался сказать то же самое с менее ласковой интонацией.

Она понимала его.

Или, по крайней мере, не пыталась его изменить.

И этого было достаточно.

Он снова шагнул в ее комнату, оглядывая хаос, который она всегда настаивала, что был организованным. Ее постеры все еще висели на стене — полуоторванные, неоновые, забитые острыми лозунгами с протестных кампаний, которые она никогда не объясняла. Ее наушники лежали на столе, запутанные. Один из ее браслетов, серебряный с бусинами, валялся посередине пола — словно она уронила его, выходя.

Только один.

Он медленно нагнулся и поднял его.

Это было непохоже на нее — забыть его. Она носила этот постоянно, говорила, что он помогает ей чувствовать себя нормальной, когда вокруг полно вещей, которые пытаются сделать ее божественной.

Он повертел его в руке, провел большим пальцем по потертой резинке. Он больше не источал феромонов, даже слабо. Он пролежал здесь достаточно долго, чтобы остыть.

Он перевернул браслет еще раз, прежде чем положить его на стол рядом с наушниками.

Затем он услышал это.

Слабый гул — скорее вибрация, чем звук, — низкий и короткий, доносившийся с дальнего конца комнаты.

Элиас замер.

Гул повторился, на этот раз немного сильнее.

Телефон, на беззвучном.

Он двинулся к комоду, остановившись перед верхним ящиком. Второй гул сопровождался глухим стуком — словно что-то сдвинулось под кучей одежды. Он открыл ящик.

Под двумя сложенными толстовками лежал ее телефон.

Не запасной. Не сломанный.

Ее основной телефон. Тот, который она брала с собой повсюду. Тот, который она никогда не выключала, даже на встречах или в лабораториях.

Он был здесь. В квартире. На зарядке, но не подключенный к розетке. На экране мигало три пропущенных вызова.

Он потянулся к нему.

Телефон был теплым — слишком теплым для того, что не было включено в розетку. Он снова завибрировал, когда Элиас поднял его, экран загорелся, показывая, что два пропущенных звонка были с неизвестного номера, а один — от него.

<http://bllate.org/book/17662/1645896>